

ПАМЯТИ А.Г. КУЗЬМИНА

Евгений Спицын

Я принадлежу к тому счастливому поколению советских студентов, которым в смутные времена «горбачёвской перестройки» довелось учиться на знаменитом истфаке МПГИ им. В.И. Ленина, где в 1970–1980-х годах работали многие выдающиеся советские историки, чьи имена давно и прочно вписаны золотыми буквами в отечественную историографию, — доктора исторических наук профессора Н.И. Павленко, В.Б. Кобрин, В.Г. Тюкавкин, Г.А. Кошеленко, Ю.И. Писарев и многие другие. Но даже среди этого созвездия выдающихся историков особо выделялся Аполлон Григорьевич Кузьмин (1928–2004) — настоящая легенда нашего истфака, о котором его маститый коллега профессор Павленко, совсем недавно справивший свой уникальный 100-летний юбилей и всегда довольно скептически оценивавший «научные» способности многих своих, даже очень и очень маститых коллег, всегда говорил так: «Да, Аполлоша — это голова».

Моё первое знакомство с профессором А.Г. Кузьминым произошло на самой первой, вводной лекции для студентов-первокурсников, которая прошла ещё в старом и любимом всеми здании истфака на Кубинке 1 сентября 1986 года. Хорошо помню свои тогдашние впечатления от первого знакомства с этим удивительным человеком, который сыграл определяющую роль в жизни многих своих воспитанников, — выше среднего роста, плотного телосложения, но совсем неполный, с большим открытым лбом и густой, уже хорошо убелённой сединой шевелюрой,

в «тяжёлых» роговых очках, через которые были прекрасно видны удивительно умные, пронизательные глаза... Говорил он медленно, как бы размышляя вслух, и так же медленно расхаживая вокруг кафедры, держал свои большие кисти рук в виде уютного «домика». На всю жизнь запомнил его тогдашние слова, которые в прямом смысле перевернули хорошо известный постулат: «между двумя разными точками зрения лежит не истина, а проблема»...

А потом целый год, раз в неделю мы ходили на сеансы «магии» великого мыслителя и историка, которые перевернули все наши юношеские представления об истории как науке. Многие из нас наивно полагали, что раз мы прошли горнило испытания вступительных экзаменов и победили в конкурсе в 10 человек на место, то мы уж точно знаем всё и вся...

Конечно, многое тогда казалась необычным и просто непонятым, разгром стереотипов наших юношеских исторических «познаний» был полным и безоговорочным. Неслучайно уже на 3-м курсе, уразумев первые тайны «Клио», я вместе с первокурсниками вновь ходил на лекции великого учителя, познавая то, что так и не сумел понять на 1-м курсе.

Кстати, незадолго до своей смерти Аполлон Григорьевич к счастью успел опубликовать свои лекции в виде прекрасного, в полном смысле новаторского двухтомного вузовского учебника «История России с древнейших времён до 1618 года» (2003), который уже давно стал библиографической редкостью.

Надо сказать, что перу профессора А.Г. Кузьмина принадлежит более 300 научных и публицистических работ, среди которых есть целое созвездие выдающихся работ, в том числе такие монографии, как «Рязанское летописание» (1965), «Русские летописи как источник по истории Древней Руси» (1969), «Начальные этапы древнерусского летописания» (1977), «Падение Перуна: становление христианства на Руси» (1988), «Начало Руси: тайны рождения русского народа» (2003) и многие другие. Жаль, что многие книги Аполлона Григорьевича много лет не переиздавались.

Более того, профессор А.Г. Кузьмин не просто был проницательным историком и превосходным лектором, он по примеру своего великого учителя академика М.Н. Тихомирова создал замечательную научную школу, видными представителями которой являются доктора и кандидаты исторических наук, профессора В.В. Фомин, А.В. Лубков, С.В. Перевезанцев, В.А. Меркулов, Г.А. Артамонов, Е.С. Галкина и многие другие современные учёные.

Научное и идейное наследие Аполлона Григорьевича Кузьмина настолько велико и обширно, что в одной заметке, конечно, невозможно рассказать обо всём. Но ряд его новаторских открытий, безусловно, заслуживают отдельного упоминания.

1) Во-первых, ему удалось кардинальным образом переосмыслить и пересмотреть истоки внутренней организации восточнославянских племенных союзов, которые затем во многом определили и сам характер общественного строя всей русской государственности на протяжении многих веков. В частности, опираясь на детальный анализ разнообразных, в том числе письменных и археологических, источников, профессор А.Г. Кузьмин пришёл к убедительному выводу о том, что подавляющее большинство советских и современных российских историков, находясь в «плёну» известных положений Ф. Энгельса о германской кровнородственной общине и её постепенной трансформации в соседскую территориальную общину или «общину-марку», неправоммерно абсо-

лютизировали этот хорошо известный исторический процесс и распространили положение о подобной стадильности общины на все древнейшие народы, в том числе всех индоевропейцев. Однако к моменту распада единого славянского этноса восточные славяне уже давно миновали стадию «дикости» и, в отличие от тех же германцев или соседних степняков, издавна жили в рамках соседской (территориальной) общины, основу которой составляла малая семья. Этот принципиально иной взгляд на славянскую общину подтверждается целым рядом вполне достоверных исторических фактов, которые подметил именно профессор А.Г. Кузьмин. Речь, в частности, идёт о: а) существовании в составе восточнославянского этноса, как минимум, двух антропологических типов; б) отсутствии у них т.н. патронимий и малом размере жилищ в 15–25 кв.м во всех известных и точно установленных славянских археологических культурах; 3) длительном отсутствии родовых славянских генеалогий, характерных, например, для тех же германцев, довольно продолжительное время живших в кровнородственной общине; 4) многожёнстве славян в дохристианскую эпоху и т.д. Именно эта территориальная славянская, а позже русская община и позволила нашим далёким предкам мирно инкорпорировать в состав Русского государства сотни народов и племён и создать огромную «империю» в 1/6 часть суши, не уничтожив (!!!) даже самого малого народа, численность которого едва ли достигала нескольких десятков человек.

2) Во-вторых, будучи в первых рядах немногочисленных, но истинных советских, а затем российских антинорманистов, профессор А.Г. Кузьмин и его ученики, которых он нацеливал именно на изучение самых трудных и нерешённых проблем, пришли к целому ряду выдающихся новаторских открытий. В частности, именно он, исследуя проблемы происхождения термина «Русь» и этнической природы варягов, совершенно верно подчеркнул, что откровенно политизированная и во многом надуманная и «норманнская» проблема затмила собой куда более важные и перспективные проблемы —

«русскую» и «варяжскую», которые дают истинный ключ к разгадке многих тайн истории Древней Руси.

В частности, именно он впервые поместил тот поразительный факт, что в самой «Повести временных лет» (ПВЛ) были детально описаны обычаи полян в сопоставлении с другими славянскими племенами, где весьма точно отразились разные истоки этих племенных образований. Причём эти различия касались практически всех этнообразующих признаков. Например, у полян была большая семья с характерной для неё иерархией «старших» и «младших» членов семьи, а все соседние славянские племена — северяне, древляне, кривичи и другие — жили малыми семьями в небольших полуземлянках. У полян был моногамный и покупной брак, а у соседних славян — брака в смысле традиционной коммерческой сделки ещё не существовало и молодые на традиционных «игрищах между сёлами» договаривались сами между собой о заключении брака. При этом у всех славян допускалось многожёнство, чего не было у полян. Не менее значимы были различия и в способах погребения полян и славян. У всех славянских племён было трупосожжение, а у полян — трупоположение, и могильники этого типа были открыты как в самом Киеве, так и в прилегающих к нему районах. А разные способы погребений означали и разную систему верований, и разное представление о загробном мире, и разные представления о мироздании в целом. При этом самое примечательное заключалось в том, что ближайšie аналогии специфическим обычаям полян находились на территории Моравии и Баварии, откуда, вероятнее всего, они как раз и пришли в Среднее Поднепровье.

Опираясь на свои открытия, сам А.Г. Кузьмин и его ученики (В.В. Фомин, Е.С. Галкина) считали, что истоки термина «Русь» следует искать среди различных этнических «русов», живших, как минимум, на территории Балтийской, Приднепровской, Подонской, Дунайской и Черноморской Руси. При этом к моменту возникновения Древнерусского государства эти русы были уже давно славянизированы, хотя изначально: а) поляне-русь были потом-

ками северных иллирийцев живших на среднем Дунае, на территории Норика-Ругиланда; б) варяги-русь являлись одним из кельтских племён, обитавшем на южном побережье Балтийского (Варяжского) моря и близлежащих островах (Рюген), а в) аланы-русь были потомками ираноязычных роксолан, которые являлись носителями знаменитой салтовско-маяцкой археологической культуры. К концу IX века именно из представителей этих трёх ветвей славянизированных русов и сформировался так называемый «род русский», который затем составил правящую элиту Древнерусского государства.

Кстати, последний вывод о существовании отдельной ветви аланов-русов во многом дал ключ к пониманию давней неразгаданной проблемы Русского каганата, известного по знаменитым Бертинским анналам (839) и многим арабским и персидским источникам. Дело в том, что с конца 1950-х гг., когда началось активное изучение археологических памятников знаменитой салтовско-маяцкой культуры, ряд тогдашних археологов, прежде всего М.И. Артамонов и С.А. Плетнева, априори отнесли её ко всему Хазарскому каганату, искусственно расширив территорию этого государства до огромных размеров. Хотя в рамках этой археологической культуры были чётко обозначены два локальных варианта: лесостепной, который в антропологическом плане был представлен долихокефальным населением, и степной с брахикефальным населением, который, в свою очередь, также состоял из нескольких территориальных вариантов. Уже тогда ряд видных советских археологов, в частности И.И. Ляпушкин и Д.Т. Берёзовец, поставили под веское сомнение многие выводы своих московских коллег и заявили, что лесостепной вариант салтовско-маяцкой археологической культуры принадлежал аланскому населению Подонья, которое никогда не входило в состав Хазарского каганата. Вскоре эти вполне разумные выводы были активно поддержаны Аполлоном Кузьминым, а настоящее время эта перспективная гипотеза получила своё дальнейшее развитие в трудах его ученицы, доктора исторических наук профессора Е.С. Галкиной, которая вполне правомерно

отождествляет донской аланский вариант салтово-маяцкой культуры с центральной частью Русского каганата, погибшего в середине IX века под ударами венгров и хазар.

3) В-третьих, будучи выдающимся летописеведом, прошедшим знаменитую школу своего учителя академика М.Н. Тихомирова, который в недрах Академии Наук СССР воссоздал издание Полного Собрания русских летописей (ПСРЛ) и написал обе диссертации по истории древнерусского летописания, сделал ряд выдающихся и принципиально важных открытий, связанных с этой проблематикой. В частности, в отличие от подавляющего большинства своих коллег, в том числе таких авторитетов, как академики М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, Л.В. Черепнин и Д.С. Лихачёв, он отринул знаменитую схему академика А.А. Шахматова о «едином летописном древе» ПВЛ и пришёл к ряду важных заключений о том, что:

— Единого летописного древа в Древней Руси не существовало и разные древнерусские летописи представляли собой некий обобщённый свод разнохарактерных и разновременных, нередко противоречащих друг другу, более древних летописных и внелетописных материалов.

— Практически все древние летописцы не признавали «авторского права» своих предшественников, поэтому довольно часто редактировали предыдущий текст, не обращая особого внимания на неизбежно возникавшие противоречия.

— Центрами древнерусского летописания были не только такие крупные города, как Киев, Новгород, Чернигов, Смоленск или Ростов, но и разные монастыри и храмы, в частности Киево-Печерский, Выдубицкий и Юрьевский монастыри, Десятинная церковь в Киеве и т.д., где изначально существовали разные летописные традиции.

— Вероятнее всего, первые летописи, созданные в X веке, не имели абсолютных дат и счёт лет шёл по годам правления того или иного князя. Абсолютные даты в русских летописных сводах появились только в XI веке, причём немаловажным обстоятельством являлось то, что все древнерусские летопис-

цы, отражая летописные традиции разных монастырей и соборов, что, очевидно, было связано с разными истоками самого русского христианства, при написании своих нетленных трудов пользовались ранними византийскими и европейскими хрониками, которые ориентировались на разные космические эры (хронологию от сотворения мира до Рождества Христова), принятые в тогдашнем православном мире, — антиохийскую (5500 лет), старовизантийскую (5504 лет), константинопольскую (5508 лет), болгарскую (5511 лет) и другие. При этом средневековый русский летописец, который впервые ввёл хронологическую сетку в часть недатированных текстов «Повести временных лет», уже ориентировался исключительно на константинопольскую хронологию, поскольку именно тогда в Русской Православной Церкви окончательно восторжествовала византийская ортодоксия, а Москва стала главным суверенным центром мирового Православия. Именно это фундаментальное открытие смогло объяснить многие нестыковки ранней хронологии в «Повести временных лет», которые странным образом не совпадали с датировкой многих событий, отражённых в известных византийских и европейских хрониках.

4) В-четвёртых, профессор Кузьмин сделал поистине «революционные» открытия в изучении истории первоначального Крещения Руси и верно указал, что решение этой проблемы лежит совершенно в иной плоскости, поскольку необходимо понять, почему у древнерусских летописцев существует такая странная разногласия мнений относительно этого события. Сам Кузьмин предлагал искать ответ на этот вопрос в том, что изначально на Руси существовали разные христианские общины, которые исповедовали разные христианские верования, в центре которых лежал давний христологический спор о Символе веры (фелиокве), то есть взаимоотношения трёх ипостасей Святой Троицы: Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Святого Духа. В частности, он заострил особое внимание на том, что в знаменитой «Корсунской легенде», содержащейся в ПВЛ, был отражён еретический арианский Символ веры о том, что Бог-Сын только подобен

Богу-Отцу и Богу-Святому Духу, что полностью противоречило каноническому никейскому символу веры о том, Бог-Сын единосущ с Богом-Отцом и Богом-Святым Духом. В связи с этим обстоятельством профессор Кузьмин высказал ряд поистине новаторских идей:

— Изначально довольно сильные позиции в русском христианстве занимали традиции неканонической арианской, в том числе ирландской, церкви, привнесённые на Русь из Великой Моравии местными христианами, которые ещё в 930-х гг. вынуждены были бежать от германских миссионеров, агрессивно насаждавших там каноническое (римское) вероучение. При этом организационная структура ирландской церкви в виде отдельных и самостоятельных христианских общин во главе с выборными пресвитерами, где отсутствовала традиционная для всех остальных церквей иерархия священнослужителей, органично накладывалась на традиции самой славянской соседской общины, построенной по такому же принципу самоуправления и выборности.

— Как известно, именно в Великой Моравии и в Крыму, где существовали большие общины разных русов, в 860-х гг. вели свою миссионерскую деятельность два великих славянских просветителя — знаменитые «солунские братья» Кирилл (827–869) и Мефодий (815–885). Именно там, ознакомившись с какими-то «русскими письменами», они создали две славянские азбуки — «глаголицу» и «кириллицу», на которых будут написаны первые рукописные книги, содержавшие в том числе и арианский Символ веры. Неслучайно в 1060 году, уже после разделения христианской церкви на православную и католическую, тогдашний римский папа Николай II в своей специальной булле, адресованной Церковному Собору в Сплите, называл одного из «солунских братьев» — Мефодия — еретиком.

— Именно из Корсуни, которая всегда находилась в религиозной оппозиции к своей далёкой митрополии, Владимир вывез на Русь весь тамошний церковный клир во главе с «попом» Анастасом, церковную утварь, иконы и книги, а также мощи Святого Кли-

мента. Именно культу этого святого и культу Богородицы, а не культу Святой Софии, распространённому в самой Византии, в Киеве будет воздвигнута знаменитая Десятинная церковь, настоятель которой Анастас Корсунянин и будет негласным главой всей русской христианской Церкви вплоть до смерти Владимира и гибели Святополка, после чего отъедет в Польшу, где ещё сохранились арианские общины.

— Византийская христианская ортодоксия проникнет на Русь только при Ярославе Мудром, при котором в рамках Константинопольского патриархата будет создана отдельная Русская митрополия и в Киев будет послан первый русский митрополит — грек Феопемт, а в самом Киеве, Новгороде и Полоцке в честь византийского культа Святой Софии будут возведены помпезные Софийские соборы. Тогда же греческий митрополит произведёт довольно странный обряд нового освящения Десятинной церкви. При этом попытки ряда современных авторов (А. Поппэ, Я. Щапов, А. Карпов) отыскать первых русских митрополитов, посланных из Константинопольского патриархата раньше 1037–1039 гг., не кажутся нам убедительными, тем более что ряд сторонников этой гипотезы (А. Карпов) сами признают, что «при князе Владимире роль митрополитов и других церковных иерархов была крайне незначительной».

— Даже после утверждения византийской ортодоксии весь период существования Древней Руси в самой великокняжеской семье уживались представители разных христианских общин, о чём красноречиво свидетельствует такой показательный факт: в Десятинной церкви будут похоронены Владимир Святославич (1015), Изяслав Ярославич (1078) и Ростислав Мстиславич (1093), а в Софийском соборе — Ярослав Мудрый (1054), Всеволод Ярославич (1093) и Владимир Мономах (1125). При этом Великий князь Владимир Святой, в отличие от своих убиенных сыновей Бориса и Глеба, будет канонизирован Русской Православной Церковью только после монгольского нашествия, и то не как святитель Руси, а в общей когорте других русских князей, как защитник земли русской.

— Сам процесс Крещения Руси занял несколько десятилетий и иногда сопровождался большой кровью, как, например, в Новгороде (990) и Суздале (1024). Но именно Древняя Русь стала главной хранительницей кирилло-мефодиевской традиции, основанной на принципах общинного самоуправления и двоеверия, что станет затем основой всего русского православия, органично соединившего в себе и догматы христианского вероучения, и древнейшие традиции славяно-русского язычества. Неслучайно многие проницательные исследователи подчёркивали особо светлый и оптимистический характер древнерусского христианства, не знавшего ни крайностей религиозного аскетизма и мистицизма, ни воинственного настроения по отношению к инаковерующим. Кроме того, русское православие никогда не знало и военно-рыцарских орденов, «мечом и крестом» обращавших язычников в истинную веру, а первые инквизиторские костры, которыми Рим веками разогревал всю католическую Европу, появятся на Руси лишь на рубеже XV–XVI вв., причём не без влияния того же Рима, прелаты которого сопровождали Зою-Софью Палеолог в жёны овдовевшему Великому московскому князю Ивану III.

5) Наконец, крайне важным представляется вполне удачная и крайне важная попытка профессора А.Г. Кузьмина поставить в центр внимания изучения всей русской истории старой славянофильской доктрины о взаимодействии «Земли» и «Власти», то есть истории

многовековых взаимоотношений «реального» и «мнимого» государств. Причём, в отличие от всех своих предшественников, профессор А.Г. Кузьмин не просто возродил старую концепцию, но и наполнил её конкретным историческим содержанием, которым буквально «кишат» многие летописные источники Древней и Средневековой Руси, где постоянно речь идёт о противостоянии и взаимодействии княжеской власти и вечевых институтов не только домонгольской, но и постмонгольской Руси.

Профессор А.Г. Кузьмин, конечно, был известен не только как выдающийся историк и блестящий педагог, но и как страстный патриот и публицист, который многие годы был одним из духовных вождей «русской партии» в смутные времена «горбачёвской перестройки» и «ельцинского лихолетья». Его многочисленные статьи и выступления, посвящённые многим важным аспектам истории и современности России, в том числе предельно аргументированным разоблачениям антинаучных построений «евразийцев» и «новохронологов», неоднократно печатались на страницах журналов «Наш современник» и «Москва», выходили в виде отдельных брошюр и т.д. А своеобразным венцом его публицистической деятельности стал знаменитый сборник «Мародёры на дорогах истории» (2004), изданный его учениками вскоре после смерти своего великого УЧИТЕЛЯ, МЫСЛИТЕЛЯ, УЧЁНОГО И ГРАЖДАНИНА.

